

Летние месяцы он проводил в этнографических экспедициях на севере России и в Поволжье. Его интересовала культура финно-угорских народов, населявших эти места. Он изучал их быт, историю, язык, нравы. Особое внимание учёный уделял народу коми, к которому принадлежал сам. Он сделал целый ряд литературных переложений материалов, собранных в экспедициях. Им были написаны сказки, предания, охотничьи рассказы («Бегство северных богов», «Царь Кор», «Рак-молодец», «Гулень на небе», «Вишера»). На этих материалах основана также большая поэма «Биармия», в которой говорится о далёком прошлом, о героях-предках народа коми.

О пройденных им путях Жаков рассказал в автобиографической повести «Сквозь строй жизни».

МАЙБЫР¹

(По мотивам сказок народа коми)

В избушке, в лесу дремучем, вдали от всякого жилья, жили вдвоём муж с женою. Хозяин был хороший земледелец и отважный охотник, а хозяйка усердная пряжа и ловкая ткачиха. Жили они вместе уже пятнадцать лет, а детей не было у них.

Ягань – так звали хозяйку – об этом часто вздыхала.

Раз была она далеко от дому и, сидя на берегу ручья, горько плакала. Нет у неё сына. А был бы он, как она прижала бы его к горячему сердцу!

Сильный ветер между тем шумел в лесу, и дружно деревья качали вершинами; громко звенел ручей в глубокой ложбине, а цветочки на берегу его наклоняли свои пёстрые головки от напора быстрого ветра.

– Этими цветами украсила бы я люльку его, – шептала Ягань.

Долго тосковала женщина, и мысль о смерти ей пришла. «Хоть бы три дня пожить, чтобы чувствовать ребенка возле себя и прижимать его к сердцу, соколика, а там хоть и смерть». Так думала в отчаянии она.

¹ Имена персонажей этой сказки являются говорящими. Так, например, Майбыр на языке коми значит «счастливец», Ягань – «женщина из соснового бора», Пармаморт – «лесной человек», Шорморт – «средний человек», Саридзорт – «морской человек».

Рис. В. Бубенщикова

На другом берегу ручья в это время из лесу вышел седой старик с длинной бородой – чуть не до земли. Ветер утих, и голос услышала Ягань:

– Знаю, о чём плачешь ты, жена Пармаморта: ты просишь сына себе беспрестанно. А не знаешь ты, что, родись у тебя сын, не проживёшь сама больше трёх дней. Согласна ли ты так рано умереть, безвременно покинуть свет?

– Согласна, согласна! – вскричала, протирая руки вперёд, Ягань. – Был бы сын, а там хоть смерть через три часа.

Старик ушёл. Ветер снова зашумел в прибрежных кустах, и в лесу дремучем деревья стали шептаться меж собой о чудесах этой земли и о страстных, безумных желаниях людей.

Вернулась Ягань в свою сосновую избушку и стала жить по-прежнему.

Через три месяца почувствовала ребёнка под сердцем она и обрадовалась, а через полгода после того родила сына. Три дня прижимала его к груди, три дня любовалась им и говорила, что эти дни – самые счастливые в её жизни.

– Сын мой, Майбыр! Часть сердца моего! – твердила она.

Пармаморт, муж её, не мог надивиться, глядя на неё.

Прошли три дня, и три ночи миновали. Умерла Ягань тихо и незаметно, без боли, как бы уснула.

Пармаморт остался сам-друг¹ с трёхдневным сыном.

Как ни любил он Ягань, сколь ни горевал, а должен был жениться, и взял он в жёны себе черноглазую, худенькую Читныл из далёкого села.

Читныл стала поить, кормить маленького Майбыра, а через год сама родила сына Шорморта.

¹ Сам-друг – вдвоём.

Рис. Н. Басмановой

Растут два сына у лесного человека – Майбыр и Шорморт. Первый был крепкий, здоровый, кудрявый, с синими глазами и белолицый, а другой худенький, чёрный, с маленькими глазами. Читныл не любила Майбыра за его красоту и часто говорила:

– Я не мать тебе, что ко мне ласкаешься? Иди, твоя мать лежит там, под сосною.

И с плачем туда убегал Майбыр, под ветви великой сосны, и, ставши на могилу матери, кликал её:

– Вставай, вставай, маменька, меня не любит, меня обижает Читныл.

Но Ягань не вставала и продолжала спать глубоким сном. Тогда мальчик прибежал к отцу, но Пармаморт не смел ласкать его, боясь ревнивой, худенькой, чёрной жены Читныл.

Идут дни, месяцы и годы, и всё краше становился Майбыр; он чуть не вдвое выше худенького Шорморта и много раз его умнее. Он сделал себе дудку из ольхового дерева и играл печальные и весёлые

Рис. Н. Басмановой

мотивы. Он уже ходит на охоту с отцом и учится у птиц музыке лесной, да у ручьев, да у ветра, постоянно шумящего в дубравах. И много, много он узнал... Он видел начала рек на горах и в болотах и видел устья их, окаймлённые широкими лугами. Поднимался в могучий сосновый бор – яг, где ягель¹ хрустит под ногами, и спускался в тёмный ельник – парму, был в берёзовой роще – рас, и на холмах – керэс, и на светлых полянах – дав. Узнал заговоры и охотничьи хитрости все. Лишь ласки не ведал ни от кого. Отец его любил, но не смел говорить ничего, боялся, что за это и самого его убьёт во время сна ревнивая Читныл, и сына его убьёт.

Зорко смотрит Читныл за отцом и сыном. Она начала бояться, что Пармаморт разлюбит её, потому что красавец Майбыр напоминает ему его прежнюю красивую жену Ягань. «Нет, надо погубить Майбыра, я пошлю его к лесным богам, к лесным великанам, которые как люди живут, только злы, они съедят его».

Она и говорит мужу:

– Что-то я очень больна, пошли сына, Майбыра, к лесным великанам, пусть принесёт мне он целебный зуб предка лесных богов.

Посылает Пармаморт своего сына к лесным богам и говорит:

– Ты ищи их у истоков рек, в болотах, там, где жутко, где сердце человека не веселится, в тёмных пармах, там, куда смелые охотники не смеют идти, где звери и птицы не живут, где колдуны-туны заклятые слова свои читают. Их найдёшь ты где-нибудь, где ветры сталкиваются, пересекаются неизвестные лесные тропинки, где разделяются реки и ручьи. Иди в такие места и принеси для мачехи зуб предка великанов. Если долго не найдёшь их, скажи «нечистое слово», и они сами придут.

¹ Ягель – олений мох, род лишайника, растущего маленькими сероватыми кустиками в тундре.

Так говоря, Пармаморт тайно от Читныл надел на Майбыра священный пояс его матери Ягань.

Идет Майбыр. Дождь льёт на него тёмными каплями – он сидит под тенистым деревом, солнце печёт его – он надевает шляпу из еловых игл. Играет на дудке. Слушают песни его жители леса: красногрудый клёст – уркай – на ёлке, гэрд-юра – красноголовая птица – на кустах, и шур на высокой сосне, также пёстрый дятел – сизь, неустанный работник. Ветер – тэл – поднимается, деревья трещат, Майбыр лежит на полянке, где тетерева – тары – играют.

Глубокою тёмной ночью, когда звери ходят толпами, сидит он на сосне, на твёрдых ветвях её, и думушку думает свою.

Наконец прибыл в неизвестные места, где неведомые тропинки пересекаются в густых пармах, где реки и ручьи раздваиваются, куда солнечный луч не проникает в полдень. И здесь увидел он огромную избу, построенную из столетних сосен. У крыльца детей увидел он, больших ростом, некрасивых и беспомощных. Накормил их всех из своего запаса Майбыр, сам зашёл в обширную избу, лёг на лавку и уснул, и дудка выпала из рук у него.

На закате солнца прибежали великаны – муж с женою. Они были на берегах далёких рек, пугали людей, гоняли зверей и птиц из одной чащи в другую и теперь голодные вернулись. Дети рассказали им, что маленький человек пришёл к ним в дом, накормил и приласкал их.

Вошли лесные хозяева в избу, увидели мальчика, который спал на лавке, и дудка выпала у него из рук.

– Ну так пусть он лежит, не тронем до завтра, а утром съедим, – сказал муж.

Солнце взошло где-то за лесом, хоть не было видно его, всё же светлело в парме. Великан встал и разбудил мальчика.

– Приготовься, – он сказал, – я тебя должен съесть, я лесной бог.

– Хорошо, – говорит Майбыр, – на погибель мою и прислала меня мачеха. Позволь же мне, лесной хозяин, последнюю песню спеть, оплакивающую мать мою, лежащую под великою сосною...

И заиграл он, Майбыр. Играет и поёт, поёт и играет, а у самого слёзы текут на пол избушки. Смотрит покрытый волосами житель леса на него стальными глазами без век.

Но вот глаза его увлажнились, как будто тёмная слеза течёт по его волосатой щеке.

Рис. С. Боровского

– Чародей ты, мальчик, твои звуки, твоя дудка тронула моё железное сердце, окаменевшее в старой борьбе с водяными богами, которые живут в болотах и в мрачных озёрах, и в омутах рек, где люди тонут. Иди, я тебя отпускаю.

– Дядя, – сказал мальчик, – мачеха прислала меня за волшебным зубом твоего предка.

Молния блеснула в глазах великана, но свой гнев укротил он:

– Быть по-твоему.

Из тёмного глубокого голбца¹, бывшего под полом, вытащил он тяжёлый зуб своего предка.

– Бери, иди скорее, пока звуки музыки удерживают мою ярость, беги, беги от этих мест и не оглядывайся.

Вышел Майбыр, не оглядываясь, убежал из пармы великанов и после многих странствий вернулся к отцу и поднёс мачехе целебный зуб предка лесных великанов.

Читныл только всплеснула руками, увидя живым Майбыра, даже прослезилась, поражённая этим чудом.

Полгода молчала она. Но потом опять раздумалась, видя, как дружно живут Майбыр с отцом.

– Умри бы я, – думает она, – прогнали бы моего-то, он худенький такой, беззащитный. Старший-то брат отнимет у него всё – и вотчину, и охотничьи угодья, и петли над кустами, куда попадают белые зайцы, соболи и горностаи, и брёвна – чёс, искусно поставленные, которые падают на тетеревов при малейшем их прикосновении к приманке, и петли из кудрявых рябиновых ветвей, украшенных красными ягодами, куда попадают рябчики, и луки, и всё отнимет у моего сынка-то. Можно ли терпеть такого недруга? Гляди, какой большой да сильный, глаза, как синее небо. Красив, но, думаю, жаден, как мать, которая, вероятно, тоже жадна была. Нет, ненавистен мне Майбыр, нужно погубить его, иначе не житьё Шорморту в привольных лесах.

Наступила тёмная ночь, и шепчет мужу, обнимая его, хитрая Читныл:

– Тяжела наша жизнь, – говорит она. – Мне жаль тебя, Парма-морт. Опасна охота зимой и летом, в особенности на медведей. Погиб-

¹ Голбец – подпол, погреб.

нешь ты не сегодня-завтра со своими сыновьями. Останусь я сиротою в лесу дремучем, придётся питаться черникой да брусникой.

Затем, вздохнув, прибавила:

– Правда, слыхала я от одного туна, который выше прочих тунов, что если поймать сына короля белых медведей да вырастить, охота на зверей покажется лёгким занятием: ему подчиняются все звери. Если бы послал ты Майбыра за этим королевским сыном, наверное, стали бы мы богачами.

Послушен был Пармаморт словам злоковарным хитроумной Читныл. Снаряжает старик сына в путь-дорогу и велит поймать королевского сына белых медведей.

– Знаю, трудно это, да делать нечего, бедность надоела наша, – говорит он. – Иди ты, мой сын, к холодному морю, ледяные горы плавают на нём и снежные поля, покрытые туманом. На тех унылых полях ищи ты короля белых медведей и сына попроси себе... Тень Ягани пусть следует за тобой.

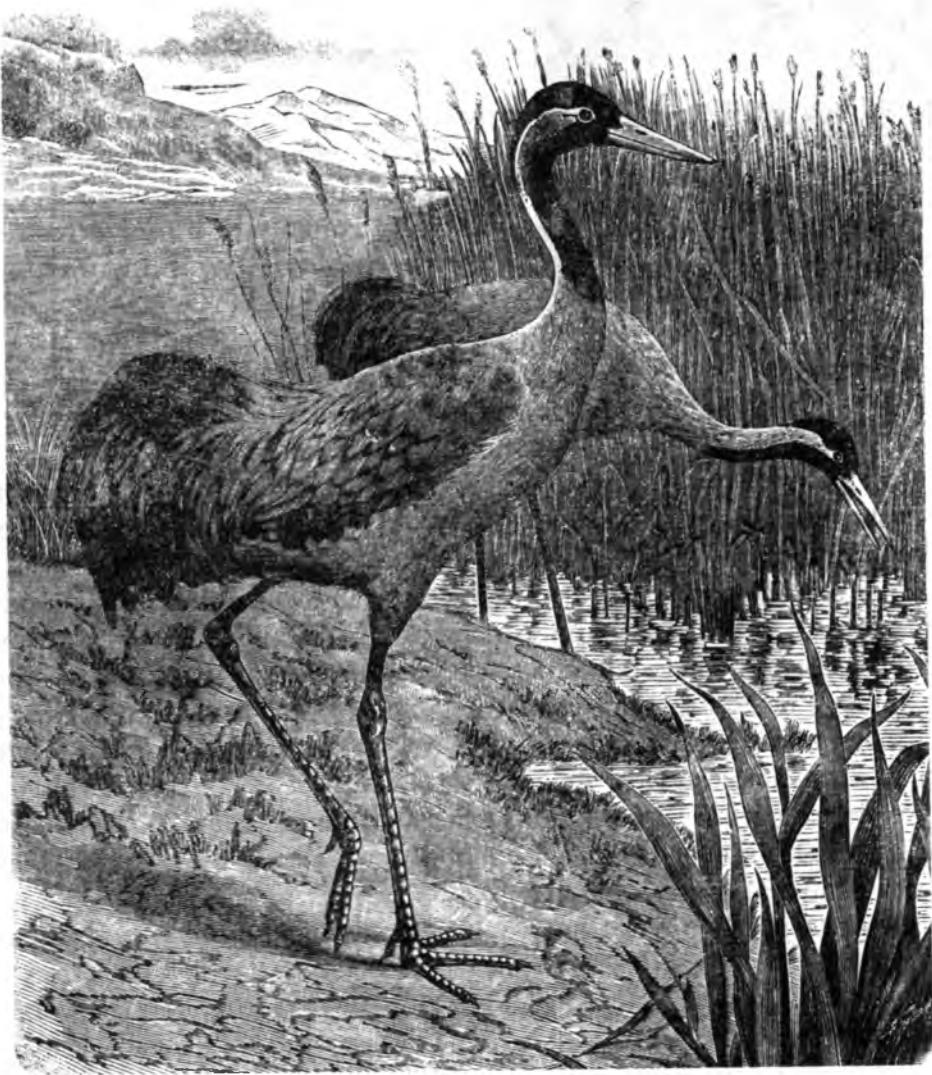
Так сказал старик.

Идёт Майбыр, взявши много запаса с собой и дудку свою за пояс. Идёт он сначала лесом дремучим, затем широкой тундрой, покрытой кустами ягод и белым ягелем.

Встретились ему стада быстроногих рогатых оленей. Но он не тронул их, не поранил никого стрелой из лука. Увидал он в безбрежной тундре на берегах синих рек и озёр из жёрдочек острые юрты самоедов¹ – яранов. За ласковые слова полюбили Майбыра черноволосые, низкорослые яраны. Дальше идёт сын Ягани. Птичьи гнёзда встречаются везде, негде ступить ногою. Осторожно шагает юный Майбыр. «Как бы не ушибить милых птенцов», – думает он. Понравилась его кротость царю тундры, журавлю Тури с железным клювом. Внезапно появился он над головою Майбыра в недвижимом воздухе и крыльями закрыл северное низкое солнце, затем произнёс:

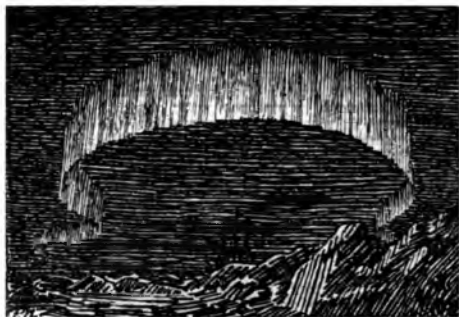
– Гурли, гурли, здравствуй, сын Пармаморта и светлокудрявой Ягани! Будет тебе беда, ты кликни журавлиным голосом, я прилечу и выручу тебя из несчастья. Теперь иди, скоро студёное море увидишь ты пред собой.

¹ *Самоеды* – малые народы севера России.

Серый журавль. Рис. Г. Артёмова

Запомнил эти слова сын Пармаморта. Идёт он к холодному морю по зыбучему песку. Видит, серые валы с белой вершиной ударяются немолчно о сырой песок и пену оставляют на нём. Бурые моржи со страшными клыками отдыхают там близ моря, и белые тюлени, как люди, лежат рядами вдоль берега водной пустыни. Полукругом,

Северное сияние. Рис. Ф. Нансена

серой волнующейся равниной, слегка окрашенное багрянцем, безбрежное море простирается к далёкому северу. Ледяные горы плавают на нём и снежные поля, покрытые туманом. Незаходящее солнце золотым кругом светит у горизонта в полуночной стороне над вечно шумящим морем.

Кликнул тут Майбыр по журавлиному:

– Гурли, гурли.

И вдруг шум поднялся, и увидел сын Ягани великую птицу, покрывающую солнце своими крылами, как тёмными облаками.

– Садись на спину, – говорит Тури, – полетим на те унылые ледяные горы. Ты ищешь королевского сына белых медведей, как подсказывает моё вещее сердце.

Сел Майбыр на спину Тури. Взмахнул тот великими крылами и поднялся над угрюмыми волнами студёного моря и, глядя на солнце, полетел к северу. Быстро оказались они на вершине одной из плавающих гор. Тут оставил вещей журавль сына Пармаморта, сказав:

– Здесь летаю я над долинами этих гор; ты же кликни меня по птичьей, и я возвращусь к тебе.

Сел на ледяной холмик Майбыр и стал на дудке играть. Белые медведи окружили его со всех сторон и стали слушать звуки лесной дудки и песни Майбыра.

Плачевно играет сын Севера, и завyli белые жители льдов, высоко подняв свои мохнатые головы и острые морды: звуки музыки возбудили в них тоску от жизни однообразной в холодных полях, над которыми блещут бледные лучи северного сияния. Беспросветна их жизнь на пустынных островах, покрытых вечными туманами.

Сжалился над ними Майбыр и заиграл весёлые песни, и заплясали угрюмые сыны полярных стран Севера. Сначала тихо, тихо качались они, вставши на задние лапы, потом быстрее, быстрее кружились и топали тяжёлыми ногами. Как вихрь, наконец, носились они по зеркальному паркету ледяных равнин, то исчезая в тумане долин, то поднимаясь на ясные вершины. Но вот сами ледяные горы задвигались и образовали хороводы под зелёным пустынным небом.

Рис. С. Боровского

Каленик-птица¹ летала над ними, освещая их вершины своими светозарными крылами. Север дохнул на них своим ледяным дыханием, казалось, вздохнул он о скорби земной при звуках музыки весёлой. Усладилось сердце северян, одетых в белые шкуры.

¹ Каленик-птица – олицетворение северного сияния.

Тогда подошёл их король к музыканту и сказал:

– Хоть не нашей породы ты, всё же мил ты нам. Проси что хочешь, всё дам тебе за великую услугу, которую сделал ты нам, диким кочевникам на ледяных горах, жизнь которых идёт однообразной чередой в холоде вечной зимы.

Встрепенулся Майбыр и сказал:

– Дай мне сына твоего, я научу его всем искусствам нашего рода.

Задумался глубоко король медведей. Но затем, кивнув головой, взял он в толпе молодого медвежонка и, тиская его в своих лапах, долго произносил: «Мур-мара, мур-мара», – целуя сына своего. Наконец, отдал его Майбыру. Тот взял молодого медведя, поклонился низко всему стаду и удалился к ледяным стремнинам в тумане утра. Тут кликнул он по-журавлиному.

Взвился навстречу ему Тури, летавший над тёмными волнами, и взял на спину к себе Майбыра с его спутником с ледяного утёса. Перелетел он с ними бесплодное море и пустынные унылые тундры и опустился на землю лишь у края берёзовой рощи леса. На прощание сказал Майбыру:

– Не забывай Тури, короля тундры. Теперь иди к своим: от берёз перейдёшь к елям, от елей в сосновый бор, а за ним, в пармах, за отрогами лесистых диких гор найдёшь своего старика отца.

И прибыл Майбыр по слову Тури к дому своего отца, и за ним тяжело ступал белый медвежонок.

Так и ахнула Читныл, увидевши Майбыра с белым медведем, который мирно следовал за ним, очарованный звуками дудки. Не глупа была Читныл. Увидала, что боги покровительствуют сыну Ягани, иначе давно положил бы он свою голову, и умолкла надолго Читныл, предоставив всё воле судьбы, которая сильнее людей и часто ведёт нас туда, куда не хотели бы мы идти.

Живут отец с двумя сыновьями, охотничают в зимнее время на лыжах. Старик вместе с Шормортом принесут пять тетеревов, десять куропаток, а Майбыр один несёт в два раза больше, да ещё Саридзморт, белый медведь, тащит молодого оленя: где-то поймал его в густых чащах берёзы.

Шорморт завидовал своему брату. Слава его не давала ему покоя. Он уже замышлял, как бы погубить Майбыра. За советом обратился

к своей матери, к хитроковарной Читныл. Та поняла безвыходное горе своего сына и решила если не погубить, то, по крайней мере, удалить счастливого сына Ягани.

Раз поздно вечером вернулся с охоты Пармаморт, сыновья же были в лесу. При яркой лучине прядла мягкую куделю Читныл.

Угощая старика ужином, она сказала ему:

– Пармаморт, по небу ходят серые тучи – и над тундрой, и над лесами, и над морем, отдыхают же они на горах в тёмные ночи. Откуда берутся эти стада небесных коров, которые молоком своим поят плодородную землю? И долго ли будут носиться они над молчаливой землей? Эти вопросы слыхала я от мудрых тунов¹, а ответа нет ни от кого. Пошли же своего Майбыра, пусть разузнает всё это и расскажет всем добрым людям, на радость им, себе на славу.

Вот что придумала опытная в хитростях Читныл, желая навсегда удалить Майбыра.

Простодушный Пармаморт передал всё это старшему сыну своему и прибавил:

– Сделай, милый мой Майбыр, третье дело, сердце моё говорит мне, что вернёшься ты живым и увижу тебя богатым и славным.

Отправился Майбыр лесом дремучим, а за ним Саридзморт – белый медведь. В безлесную тундру затем вступили они, отовсюду открытую ветрам.

Белый медведь. Рис. В. Ватагина (середина 1920-х гг.)

¹ Туны – волшебники, колдуны.

Тяжело было на сердце у сына Ягани, задумчиво он шёл по белому ягелю. «Как же я могу вступить в беседу с облаками? На верную гибель, видно, я иду», – думал он, грустя.

Вдалеке увидал каменные горы – как у горизонта густые облака. «Поднимусь туда, – думает Майбыр, – на лесные вершины гор, там поют ручьи, там коршуны летают над погибшими охотниками, а близ стремнин облака отдыхают в туманные ночи, свесив свои полные груди в тёмные долины; не узнаю ли я там что-нибудь о воздушных караванах, постоянно носящихся по обширным небесным полям?»

Поднялся Майбыр на лесные хребты гор и сел у одной стремнины, спрятавшись от холода и ветра в густых можжевельниках, а Саридзморт невдалеке лёг в открытом месте, заботясь о безопасности сына Пармаморта.

На закате солнца прилетели на туманных крыльях караваны облаков по воздушной пурпурной зыби и расположились ночлегом на вершинах гор. Старая елинка там росла, прикрепившись к скале своими корнями. Она сжалилась над облаками и сказала:

– Плохо я живу, прикрепившись к голой скале, но всё же лучше вас. Судьба ваша плачевна мне, сестрицы. Тяжело вам поливать леса и поля земли, поднимая солёную воду из океана. Скажите же мне, где вы родились и долго ли будете поливать горы и долины сладкою водою, текущей из вашей груди?

– Милая сестра наша, – сказали облака, – на туманных крыльях летаем мы по зыби воздушной, таская на радужных коромыслах горько-солёную воду из туда и сюда текущих струй океана на плодоносную грудь земли. Эту солёную воду выпиваем мы, а из наших сосцов стекает сладкая – на леса и поля. Тяжела наша участь и однообразно уныла она. Родились же мы в пучинах океана вместе с белою пеною морскою близ скалистых берегов на закате солнца, и будем носиться мы над землёю столько годов, сколько звёзд сияет, мерцая, на чёрном небе в холодную зимнюю ночь, когда равнодушная к земле луна купается ещё в подземных водах. Живите мирно, дети земли, мы напоим всё сладкой водой, неустанно трудясь.

Так сказали облака, и голос их был подобен шуму дождя, быстро погоняющего путника в поле. Ночной ветер подхватил их слова и передал можжевельникам и карличкам-берёзкам у ужасной стремнины горы, а кудрявые можжевельники и карлички-берёзки пересказали

всё это от слова до слова спящему Майбыру, который у них стоял ночлегом близ крутой стремнины.

С восходом солнца, когда огромный круг его поднялся из-за силуэтов гор и разбудил стада белых облаков, почивавших на молчаливых вершинах, в ранний час встал Майбыр и направился к дому. Вместе с белым медведем вернулся он к отцу и сказал:

– Пармаморт, стада серых облаков рождаются в пучине океана, близ скалистых берегов на закате солнца, и будут они поить землю столько годов, сколько звёзд видим мы на холодном зимнем небе.

Удивилась Читныл Майбыру и почувствовала в сердце к нему любовь. «Я погублю Пармаморта и выйду замуж за Майбыра, и тогда не обидит он Шорморта, а я наслажуся любовью».

Так думала неустанно коварная Читныл, но иное было назначено судьбою охотникам.

Когда Майбыр раз на лыжах гонялся за бурым лосем – Ёрой, незнакомая старуха остановила его и шепнула:

– Пора, пора идти к своей невесте, Майбыр. Ждёт тебя красавица в дремучих пармах у обрывистого берега ручья, текущего с высокой горы.

Лук выпал у Майбыра из рук от удивления, и он хотел кое-что спросить у старухи, но та скрылась в еловой чаще.

Сделал себе сын Ягани тогда бандуру-кантеле из ольхового дерева, натянул на ней струны, сотканые из длинных белых волос своего Саридзморта-медведя, и отправился искать свою невесту. Прибыл он к крутому берегу ручья, шумно падающему с высоты каменистой горы, и увидел там избушку. Зашёл через маленькое крылечко туда и увидел в красном углу девушку, которая вышивала чёрные и красные фигуры людей, зверей и птиц на белом полотне скатерти.

Девушка не прогнала его, не разбранила, а пригласила согреться и отдохнуть в её тёплой избушке.

Сидит Майбыр у стола в лесной хижине и любит светлокудрявой девой. Ему казалось, что лучистые взгляды её серых глаз проникали в сердце. Забыл он старика Пармаморта, и дом свой на парме, и белого медведя, где-то охотничающего на берегу шумного ручья.

Берёт бандуру-кантеле в руки он и поёт песни. О жизни лесных великанов он пел, о борьбе их с водяными, о белых жителях снеж-

ных полей, о благодетельном Тури; также воспевал он стада облаков, летающих высоко над лесами. Песня его волнами лилась в избушке чародейки.

Между тем девица сидела в красном углу, смотрела на Майбыра и пролиwała горькие слезы. Потом она сказала:

– Охотник, ты ничего не ведаешь и поёшь свои песни, но скоро придёт старуха-мать и съест тебя железными зубами. Много охотников погибло здесь.

– Пусть, – ответил Майбыр, – жизнь давно уже опостылела мне, ласки не знал я в жизни, а гибели моей будут рады многие.

И снова заиграл он о жизни лесных богов, о Каменном поясе¹, проведённом для крепости земли от северного к южному морю.

Уж полночь наступила, а ведьмы-старухи нет. Лесные боги задержали её, позвав к себе в гости. Она была йома². И три дня и три ночи ждали её охотник с девицей, но старухи не было. Тогда красавица сказала:

– Теперь всё кончено, и написанное в книге исполнилось, ты мой суженый. Пойдём отсюда.

И пошли они к дому Пармаморта.

Майбыр сказал отцу:

– Йольный – моя невеста. Я построю новый дом около сосны, где лежит добрая Ягань, и в новом доме устрою пир.

Выслушав это, поняла разумная Читныйл, что нужно покориться воле судьбы и желаниям могучих богов, и навсегда оставила вражду против Майбыра и Пармаморта.

Построен был новый дом возле сосны, где спит в земле добрая Ягань, и великий пир затеял здесь искусный Майбыр.

Шорморт вместе с белым медведем отправились в разные стороны по великому Северу – пригласить гостей на брачный пир Майбыра и Йольныйл...

Все знаменитые люди по рекам Вычегде, Выми, Пинеге, Вишере, Печоре и другим собрались в парму, к сыну Пармаморта. Король тундры Тури прилетел с берегов далёкого моря, и король белых мед-

¹ *Каменный пояс* – Уральские горы.

² *Йома (ёма)* – лесная ведьма.

ведей прискакал с ледяных островов студёного моря. Собрались все знаменитые гости в доме сына Пармаморта блеснуть своим разумом и хитростью, мудростью и силою. Много великих споров было там, на весёлом пиру у Майбыра. Когда все гости натешились и наговорились, взял дудку свою сын Ягани, и запел он песни о лесных великанах, живущих при разделе рек, о великих льдах, плавающих в северном океане, и о тучах, нависших над пармами Севера; все удивились, слушая игру и пение его.

– Отважный охотник Майбыр и музыкант не последний на великом Севере, – все сказали, глядя то на Майбыра, то на светозарную Йольныл.

Слава пошла с тех пор великая о Майбыре и молва, как он праздновал свою женитьбу, какие гости были там.

Из края в край песни раздаются теперь о нём и о его матери Ягань – и в тундрах, и в лесных чащах, и на песках близ студёного моря.

Долетели эти звуки и до моих ушей, принёс их ветер и нашептали можжевельник и верески в тёмном бору. О красоте же Йольныл много рассказали мне тихим шёпотом алые лепестки дикого шиповника, растущего возле дорог между соснами на далёком Севере.

1923

Вопросы и задания

1. «Майбыр» – это литературная сказка. Какие персонажи, события, образы, художественные приёмы заимствованы её автором из устного народного творчества?
2. Есть ли в этом произведении какие-нибудь черты, похожие на известные вам русские народные сказки?
3. Что делает сказку «Майбыр» произведением литературы, а не фольклора?
4. На какие группы можно разделить персонажей этого произведения?
5. Можно ли по сказке «Майбыр» составить представление о традиционном быте и нравах коми-зырян?
6. Какую роль в произведении играет природа?
7. Применимо ли к нему крылатое выражение А. С. Пушкина: «Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок»?

8. Составьте план сочинения на тему «Добро и зло в сказке К. Ф. Жакова «Майбыр»».
9. Напишите инсценировку сказки К. Ф. Жакова (решите, что из неё может быть представлено на сцене, а что нет; составьте перечень действующих лиц, определите особенности их образов; разбейте текст сказки на эпизоды, замените авторские описания речами персонажей; придумайте ремарки и т. д.).
10. Сделайте макет книжки, в состав которой входят текст «Майбыра», небольшая статья об этой сказке и её авторе, примечания, иллюстрации, буквицы, заставки, концовки.

